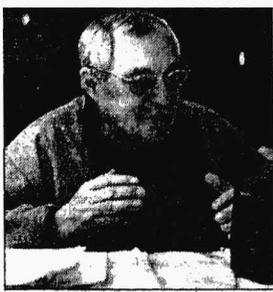

В декабре исполняется сорок лет со дня рождения студенческого театра МГУ «Наш дом», с которым связано целое созвездие громких имен в искусстве. Одним из руководителей театра был Марк Розовский.

— Марк Григорьевич, а как открылся «Наш дом»?

— Это было 27 декабря 1958 года в 12 часов дня. Аркадий Исаакович Райкин вышел на сцену старого клуба МГУ на улице Герцена и открыл наш театр. Спектаклем «Мы строим наш дом» заявил о себе новый эстрадный самодеятельный коллектив. Это был период оттепели, и государство не успевало все запрещать. Студия «Наш дом» была своеобразным театральным самодельным коллективом того времени. В самодеятельности лицензуры было не нужно, поэтому, скажем, я впервые смог в 62-м «пробыть» постановку своей собственной пьесы «Целый вечер как проклятые» в стиле театра абсурда. После каждого спектакля мы проводили диспут, который назывался «О мешанстве». На самом деле каждый зритель мог выйти на сцену и сказать, что он думает по поводу спектакля, по поводу политики. Тогда это было великое достижение: до «перестройки» очень и очень далеко, но это было время повсеместного раскрепощения общественного сознания, схватка с режимом шла на всех фронтах, на всех направлениях.

Помнится, мой отец, прочитав «Ивана Денисовича», усмехнулся: «Я рассказку тебе еще кое-что похлеще». Не хочу обидеть Александра Исаевича, но и он не был бы напечатан, если бы до него, скажем, не выступил Дудинцев. Дудинцев не был бы опубликован, если до него не вышла бы статья Померанца «Об искренности в литературе». Все это по капельке подтачивало режим. Каждая песня Булата Окуджавы, Александра Галича, Володи Высоцкого, Юры Визбора, Юлика Кима, каждый спектакль «Нашего дома» были нашим наступлением на палаческие нормы жизни, которые мы перестали считать для себя нормами. Все, что было в художественной реальности, было не под силу сказать даже «Советскому человеку», который был все-таки несколько официализирован.

— Кто играл в «Нашем доме»?

— Совершенно фантастическая команда артистов: Саша Филиппенко, Семен Фарада; Миша Филиппов, Гена Хазанов, Люся Патрушевская, Витя Славкин, Максим Дунаевский, Паша Слободкин, Олег Янченко, Коля Песков. Был блистательный артист, к сожалению уже покойный, Володя Точилин, талант которого я для себя соотнес бы с талантом Михаила Чехова. Именно для Володи я придумал «Историю лошади» (идея-то спектакля возникла в «Нашем доме»). А Илюша Рутберг с его удивительным талантом! Я уж не говорю об Алике Аксельроде, моем друге, враче, который вместе с Мишей Яковлевым и Сергеем Муратовым придумали КВН. Имея в основе высокую литературу, мы делали попытку создать театр нового типа, театр острых зрелищных форм и одновременно — философских обобщений. Начиная со студенческого капустника, но уже в 1962 году все перестало быть капустником, и мы оказались на пути к театру больших форм, большого стиля. Это была эстрада нового типа.

— Вы были бесменным руководителем студии?

— Поначалу нас было трое. Первый — Алик Аксельрод (про которого Слава Хоречко сказал: «КВН — это наша аксельродина») был грандиозной личностью, он очень многое опре-

сделать один?», образно рисующая абсурд и трагедию тоталитарного сознания.

После этого Алик отошел от студии, потому что всеерьез занялся КВНом. Илья занялся пантомимой как основным делом жизни и поступил в ГИТИС к Марии Иосифовне Кнебель. У них уже не было возможности уделять много времени театру, и с 1965-го по 1969-й я руководил театром в одиночку.

— Был ли у «Нашего дома» образец, на который равнялась студия?

— Не никто не повторяли.

— А театр на Таганке?

— Его тогда еще не было. Я помню Юрия Пе-

жий спектакль получал по 70—80 замечаний: «Это уберите. Зачем вам эти ассоциации? На кого вы работаете?» Когда нас закрывали, помню, на партоме один деятель сказал: «Вот с чего Чехословакия началась». Я потом эту реплику взял в свою пьесу «Концерт Высоцкого в НИИ». Они шли нам антисоветчину. И в результате тихо придушили с помощью профкома, потому что клуб был профсоюзным. Назначили комиссию во главе с профессором Кузициным, заставили меня отчитаться, устроили разнос... А закрыл нас конкретный человек Владимир Николаевич Ягодкин, секретарь парткома МГУ, фигура в те времена весьма зловещая (он целил очень высоко: на мору Суслова), которая тут же пошла в гору — Ягодкин стал секретарем горкома партии Москвы по пропаганде и агитации, прошелся по нашим останкам, вытер ноги об нас и взлетел в кресло.

— Неужели никто вас не поддерживал?

— В ЦК комсомола некоторые ребята относились с пониманием — Лен Карпинский, Владик Муштаев (он сейчас работает на телевидении). При их поддержке мы смогли в середине 60-х провести первый всесоюзный фестиваль студенческих театров. Там был спектакль «Снежный ком, или Выведенное яйцо» СТЗМА МАИ «Телевизор», выступление студентов из Томска, мой спектакль «Вечер русской сатиры». После этого Райкин, который был председателем жюри, пригласил меня ставить ему спектакли. Я даже репетировал с ним, но завершить работу не удалось. А театра нашего не стало в декабре 1969 года. Нас ликвидировали «за незрелость идейных позиций».

— Гражданской смертью студенческого театра, одного из немногих островков свободы, завершились «оттепельные» 60-е?

— Да. Я стал безработным, имя мое было запрещено к упоминанию, меня не брали ни в одну редакцию, ни в один театр. В конце 72-го года случайная встреча с Товстоноговым изменила мою судьбу к лучшему: в 73-м я поставил на сцене его театра «Бедную Лизу», в 75-м на великой сцене БДТ вышла «История лошади»...

— «Наш дом» так и не возродился?

— Нет, жизнь разбросала, каждый выбирался сам и строил жизнь в одиночку. Сашу Карпова взял тогда к себе Райкин, Саша Филиппенко поступил в Щукинское театральное училище, стал играть на Таганке, перешел оттуда в театр Вахтангова; Володя Точилин долгое время преподавал в цирковом училище, среди прочих учил Фиму Шифрина; Сеян Фарада до сих пор работает в театре на Таганке; Миша Филиппов — в Маяковке. Между прочим, одной из причин такого жестокого убийства нашего театра было и то (я сейчас открыл интимный секрет), что Миша Филиппов был тогда женат на дочке Андропова, а Саша Филиппенко — на дочке Зимянина. Дочки, прелестные женщины, к этой истории не имеют никакого отношения, но их отцы были крайне недовольны, что зятья занимаются в какой-то антисоветской студии. В партийной элите, видимо, знали о таком отношении к нам (в то время если председатель КГБ чихнул, то на этот чих «Будьте здоровы!» отвечали массы верных соратников). Во всяком случае Ягодкин «пришил» нас очень уверенно.

Но в памяти людей студия «Наш дом» осталась. Встречаясь с незнакомыми людьми, я часто слышу: «Был в «Нашем доме», видел все ваши спектакли». К сожалению, не осталось ничего: ни кино, ни телевизионной передачи... Недавно мы предприняли попытку реанимировать наш нашедший в 68-м году спектакль «Сказание про царя Макса-Емельяна». В студии «Радио-1» встали с Геней Хазановым к микрофону и, когда записывали, удивлялись: а ведь все это не устарело!

— Вместе с Марком Розовским вспоминала

Наталья БОГАТЫРЕВА.

Райкин и Любимов в зрительном ряду

деляя не только в студии «Наш дом». Алик был главным создателем реанимационного центра Негосовского, блестящим ученым и практиком, проработавшим всю

травича Любимова, приходящего к нам на спектакли, сидящего в антракте у директора нашего клуба Савелия Михайловича Дворина, которому, собственно, студия и обязана своим появлением, светлая ему память. К нам на спектакли приходили и другие именитые ныне люди: Марк Захаров, Сергей Юткович, Миша Шатров, Ролан Быков, Гоша Полонский, Ия Савина, Алла Демидова... (генерация людей, которые в клубе МГУ ощутили себя творчески свободными). Назым Хикмет, Лия Брик, Сергей Герасимов, Валентин Плучек, Олег Ефремов, Андрей Тарковский.

— Старт был оптимистическим, на годы, а дистанция оказалась до обидного короткой и тяжелой. Оттепель быстро кончилась и...

— И началась жуткая борьба: каждый спектакль за-

жизнь в Боткинском больнице. Ему сотни людей обязаны своей жизнью.

Второй — Илья Рутберг — гениально одаренный человек, к сожалению, не раскрывший полностью свой талант, но только мим, которого поддерживал Марсель Марсо, не только артист, смывшее которого я не знал, но и интересный композитор. Сейчас Илья ушел в преподавание, держится очень скромно.

До 1964—1965 годов постановки «Мы строим наш дом», «Прислушайтесь, времена!» были нашими совместными постановками. Потом каждый поставил по спектаклю. Я — свою собственную пьесу «Целый вечер как проклятые», Алик — «Пять новелл в пятой комнате» (так называлось угловое помещение клуба МГУ, выходящее на Манежную площадь); новеллы Генриха Беллиа, Франсуазы Саган, Рэя Бредбери, Ирвина Шоу, а Илюша Рутберг — спектакль «Траля-ля», где была знаменитая сцена «А что я мог

прещался. Профком, партком, райком, горком, ЦК — все вводили свою цензуру. Все начиналось с худсовета нашего клуба, где сидели наши друзья, которые надо было так нас покритиковать, чтобы студию не закрыли. Ка-